

К И Н О

«В когтях советской власти»

Уг

Авторы — и режиссер, и сценарист — хотят, чтобы было смешно во что бы то ни стало. И они сажают центральное лицо картины — фабриканта Вольфера — в ванну (опять эта ванна!), намыливают его, массируют, заставляют вести самый предосудительный, развратный образ жизни, какой должны вести все буржуи. Переодевают, когда советская власть показывает свои «когти», в женский костюм. Требуют, чтобы он стирал белье, чистил сапоги, играл на барабане, сидел в клоповнике, видел во сне, как библейский Иаков, какую-то триумфальную лестницу. Кувыркался, тонул в море, затевал драки, валялся в грязи, бегал без сапог по снегу.

Все для смеха от когтей советской власти. Все, кроме здравого смысла. Никакой, прежде всего, советской власти в картине нет. Показаны вскользь — какими-то автоматическими фигурами — несколько «рабочих и красноармейцев», есть очень туманное «шествие» двух десятков неизвестных граждан, которые, очевидно, — по мысли авторов, — делают революцию. Инсценирован, — совсем уж по опереточному, — какой-то очень страшный «комитет», который хочет нас уверить, что такой неорганизованной толпой происходят, в пустом пространстве, заседания советских государственных организаций.

И никакой советской власти в этой картине. И если авторы хотели сделать смешную картину с переодеваниями и кувырканиями, как это делают для мещанина на Западе, то нужно было отказаться от всякой «идеологии». Если же ставить задачу другую, то надо

Холм 1728

было подходить к ней не так, не с голыми руками, не с одним обалделым фабрикантом, а дать ей оправдание в классовом сопоставлении, в освещении «двух миров». И совсем нет надобности слишком углублять, слишком пугать агитацией. Пусть будет это комедия (только не такая бесконечно длинная), пусть это будет остро, легко, шутливо. Но непременно в характере сатиры, иронии, а не фарса, не самого недвусмысленного балагана.

Это, впрочем, — вопрос общий. Может быть не затрагивающее больших вопросов развлечение. Может быть отдых, веселый спектакль, легкая, остроумная картина, водевиль, театр сатиры, «Вредный элемент» студии М. театра. Но всегда при этом должна быть определенная установка, элементы сознательного смеха. И никогда не должно быть грубости, пошлости, дешевых, граничащих с балаганом приемов.

Так, как взята картина сейчас, — с перебрасыванием мостов в обе стороны, с неопределенными «большевиками», со взятием Перекопа, который указан надписью, но ничем не подтвержден на экране, — в таком виде картина остается пошлостью, которая хочет укрыться костюмами красноармейцев и похожим на кафешантан концентрационным лагерем.

Плохая, ненужная картина, хотя, может быть, технически и вполне грамотная. И здесь, впрочем, есть совершенно неприемлемая халтура «Константинополя» и «Парижа», показанных в глухих улицах провинциального города.